О ПРОИСХОЖДЕНІИ

АКТОВЪ

ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Профессора

А. П. ЛЕБЕДЕВА.

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГІЕВА ЛАВРА.
СОБСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

Оттиски изъ № 5 „Богословскаго Вѣстника“ за 1904 годъ.

639
37

Печатать разрѣшается. Апрѣля 15 дня, 1904 года.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ АКТОВЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ СОБОРОВЪ.

Соборными актами вообще называются болѣе или менѣе точныя записи (по теперешней терминологіи: протоколы) происходившаго на извѣстномъ помѣстномъ или вселенскомъ соборѣ. Въ нихъ обозначалось, кто присутствовалъ на соборѣ или точнѣе на каждомъ отдѣльномъ засѣданіи его, при чемъ перечислялись лица духовныя и міряне, принадлежавшіе къ административному классу, если эти послѣдніе были уполномоченными участниками собора; такъ же указывалось, гдѣ происходило засѣданіе (имя города и даже зданія въ немъ), въ какое время (годъ и число мѣсяца), о чемъ велись разсужденія и какъ, а главное—что опредѣлено или постановлено соборомъ; наконецъ слѣдовали собственноручныя подписи іерархическихъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ. Вотъ болѣе обыкновенный видъ соборныхъ актовъ. Если соборъ продолжался много дней сподрядъ или съ промежутками, то каждый день, въ который происходило засѣданіе, составлялъ особый актъ, въ которомъ опредѣленно обозначалось: когда, гдѣ и кто засѣдалъ и т. д. Также поступалось и въ томъ случаѣ, если въ теченіе одного и того же дня происходило нѣсколько засѣданій, посвященныхъ разсмотрѣнію отличныхъ одного отъ другого дѣлъ. Описаніе каждаго изъ такихъ засѣданій составляло особый актъ. Собраніе же такого рода документовъ, относящихся къ исторіи того или другого собора и называется актами („дѣяніями“) этого собора.

Изъ сказаннаго видно, что акты соборные напоминаютъ собою протоколы или журналы теперешнихъ коллегіальныхъ

учрежденій, наприм. Совѣтовъ духовныхъ академій и университетовъ. Собственно тѣ и другіе создаются по одному и тому же типу. А разница какъ въ томъ, что соборы, какъ учрежденія нерегулярныя, происходили конечно торжественнѣе, такъ и въ томъ, что на нихъ дѣла велись оживленнѣе, а самые акты часто знакомятъ насъ съ закулисною стороною дѣла, а потому часто приковываютъ къ себѣ наше вниманіе необычною откровенностію, столь драгоцѣнною для историка. Кстати сказать, что въ нихъ отмѣчались изрѣдка и дѣйствія, происходившія на соборахъ, чего совсѣмъ не бываетъ въ теперешнихъ протоколахъ, наприм. указывалось на аплодисменты (на вселенскихъ соборахъ), на переходы епископовъ съ одной стороны зала на другую, если это имѣло опредѣленный смыслъ, описывались при одномъ случаѣ манипуляціи какого-то сумасброднаго еретика надъ окоченѣлымъ человѣческимъ трупомъ (на VI вс. соборѣ) и т. д. Многія страницы соборныхъ актовъ исполнены глубокаго драматизма; на основаніи актовъ легко можно создавать цѣлыя религіозныя драмы. А что важнѣе всего, такъ это то, что нѣкоторые соборные акты знакомятъ насъ съ тѣми настроеніями, которыми одушевлены были участники соборовъ; въ этомъ случаѣ акты буквально переносятъ насъ въ тѣ отдаленные вѣка и заставляютъ насъ переживать незабвенные трепетные часы и минуты. Но увы, при всемъ этомъ такой драгоцѣннѣйшій матеріалъ до сихъ поръ остается почти не тронутымъ наукою. Намъ видите-ли, не до того...

I.

Кто же это увѣковѣчилъ соборные акты, и въ особенности акты вселенскихъ соборовъ? Кто были тѣ добрые люди, которые постарались воспроизвести для себя исторію собора и оставить дѣло рукъ своихъ на пользу будущихъ поколѣній? Такими лицами рѣдко были добровольцы, а больше всего люди подневольные, служебные, должностные. Лица, на которыхъ долгъ службы, возлагалъ трудъ записывать совершавшееся на соборѣ, а потомъ придавать записанному извѣстную узаконенную форму, именовались: „скоро-

писцами" (*ὀξυγράφοι*) [1]) названіе очень понятное, или „нотаріями", этимъ огреченнымъ латинскимъ словомъ, означающимъ писецъ-секретарь, а таже скорописецъ. Итакъ записчиками дѣяній соборныхъ были скорописцы, тѣ-же стенографы, какихъ встрѣчаемъ въ наши дни. И не нужно думать, что скорописцы были тогда какою-нибудь рѣдкостью, какъ въ наше время, время развитія книгопечатанія. Нѣтъ, преподаваніе скорописи (стенографіи) тогда было составною частію курса первоначальныхъ школъ. Значитъ, за скорописцами дѣло не стало... Скорописцами въ тѣ отдаленныя времена назывались не простые борзописцы, но, какъ и въ настоящее время, такія лица, которыя выучились и привыкли писать сокращенными знаками или фигурами, замѣняющими цѣлыя слова. Такъ наприм. старинный греческій скорописецъ вмѣсто: *κύριον*, писалъ лишь двѣ прописныхъ буквѣ: *KN*, вмѣсто: *ἀνθρώπῳ* буквы: *ANΩ*, вмѣсто слова: *πνεῦμα* буквы: *ΠNA*. Понятіе: „монахъ", выражалось въ древности знакомъ креста. Но вообще нужно сказать, что сокращенія и фигуры въ тѣ времена допускались главнымъ образомъ для словъ, которыя встрѣчались въ рѣчи особенно часто. Въ актахъ иногда упоминаются: „записчики" (по рус. переводу), каковымъ словомъ обозначаются особыя лица, носящія названіе exceptores (это латинское слово безъ перемѣнъ усвоено и греческимъ языкомъ), что̀ значитъ записыватели, протоколисты. Они появляются на соборахъ въ свитѣ государственныхъ сановниковъ.—Изо всѣхъ этихъ лицъ, по актамъ соборнымъ, являются дѣйствующими, сообразно своему имени, если не ошибаемся, одни нотаріи. „Скорописцы" не упоминаются здѣсь, да въ этомъ и надобности не представлялось, ибо нотаріи и были скорописцами. Что касается ексцепторовъ, то они упоминаются въ актахъ не въ роли протоколистовъ, а въ роли чтецовъ, наприм. они читаютъ императорскіе указы на соборахъ. Можно думать, что если они и принимали роль секретарей на соборахъ, то ихъ записи имѣли частное назначеніе, служа памятными замѣтками для тѣхъ сановниковъ, въ свитѣ которыхъ они появлялись на соборѣ.

---

[1]) Сократа. Церк. Исторія. Кн. II гл. 30. Созомена. Церк. истор. IV, 22 (ad fin).

Нотаріи, исполнявшіе назначеніе секретарей на соборахъ, носили санъ пресвитеровъ, архидіаконовъ и діаконовъ, слѣдовательно были лицами, знакомыми съ церковными дѣлами и вопросами и обладавшими въ той или другой степени богословскими знаніями. Нотаріи раздѣлялись на двѣ категоріи: были оффиціальные нотаріи, обязанные записывать все, что будетъ сказано или прочитано на соборѣ, и неоффиціальные, сопровождавшіе того или другого епископа, члена собора. Послѣдніе безъ сомнѣнія точно записывали все, что касалось ихъ принципала, и болѣе важное изъ того, что они слышали, можетъ быть записывали по указанію епископа, съ которымъ они явились. Трудно перечислить все, что обязательно должны были записывать оффиціальные нотаріи, эти отвѣтственные протоколисты. Безъ сомнѣнія, они прежде всего въ своихъ спискахъ отмѣчали лицъ присутствовавшихъ, какъ и теперь дѣлаютъ секретари коллегіальныхъ учрежденій. Затѣмъ, записывали всѣ рѣчи и замѣчанія, какія только сказаны были участниками собора, воспроизводились цѣликомъ соборныя пренія и отдѣльныя восклицанія участниковъ. Разумѣется, нотаріи вносили въ свои записи краткія указанія на прочитанные на соборѣ документы, (содержаніе которыхъ имъ не было надобности записывать) какъ извѣстные имъ изъ другихъ источниковъ (наприм. символъ вѣры, каноническія правила, части дѣяній прежнихъ соборовъ) или же какъ такіе документы, которые по обыкновенному порядку должны были поступить въ ихъ распоряженіе (наприм. посланія императоровъ, папъ, патріарховъ, челобитныя, докладныя записки, разные письменные отзывы и т. д.). Нотаріи не опускали изъ вниманія и сравнительно мелкихъ обнаруженій соборной дѣятельности: ихъ долгъ быть точными. Они записывали не только рѣчи и сужденія отдѣльныхъ членовъ собора, но и массовыя заявленія участниковъ собора, они запечетлѣвали въ письмени и разнаго рода восклицанія, принадлежащія многимъ за разъ, будутъ ли то выраженія одобренія или порицанія, радости или гнѣва, желаній или требованій. Такъ въ акты третьяго вселенскаго собора занесены слѣдующія восклицанія собора: „кто не анаѳематствуетъ Несторія, тотъ самъ да будетъ анаѳема! Православная вѣра анаѳематствуетъ его! Кто сообщается съ Несторіемъ, да будетъ анаѳема! Еретика

Несторія всѣ предаемъ анаѳемѣ! Нечестивое ученіе Несторія всѣ предаемъ анаѳемѣ. Вся вселенная анаѳематствуетъ нечестивое ученіе“ [1]). Или при одномъ случаѣ въ актахъ четвертаго вселенскаго собора помѣчены за разъ слѣдующія разнообразныя восклицанія: „согласныхъ со Львомъ (папою) собору“ (т. е. возсоединить ихъ съ соборомъ). „Эти голоса—къ императору, эти просьбы—къ православному, эти просьбы къ августѣ!“ А другіе кричали: „египетскаго (т. е. Діоскора) въ ссылку!“ „Діоскора Богъ осудилъ!“ Еще другіе возглашали: „всѣ мы погрѣшили, всѣмъ да будетъ прощено“. „Діоскора (возвратите) церквамъ, Діоскора—собору“. „При вашемъ правленіи (тогдашнихъ императора и императрицы) да не будетъ раздѣленія“. Нѣкоторые даже въ духѣ недовольства при этомъ кричали: „кричатъ немногіе, не соборъ говоритъ“ [2]). При одномъ случаѣ въ актахъ того же собора зарегистровано слѣдующее отдѣльное замѣчаніе лидійскаго епископа: „одинъ человѣкъ (Діоскоръ) опустошилъ вселенную, а мы сидимъ для него три мѣсяца“ [3]). При чтеніи записи вышеприведенныхъ восклицаній, по нашему сужденію, ярко выступаютъ двѣ черты, характеризующія нашихъ нотаріевъ: во первыхъ изумительная аккуратность ихъ, способствующая имъ уловлять разныя мимолетныя замѣтки, замѣтки, какія дѣлались участниками собора; во вторыхъ, ихъ, такъ сказать, корректность: они не дѣлаютъ выбора между воскликновеніями, не подцвѣчаютъ ихъ сообразно соборной тенденціи, а заносятъ на страницы актовъ всѣ восклицанія, не взирая на то, что нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно очень пикантны и носятъ характеръ большой субъективности. Но за все это мы должны выразить великую благодарность скорописцамъ эпохи вселенскихъ соборовъ.

Несправедливо однакожъ было бы думать, что дѣятельность нотаріевъ по отношенію къ актамъ вселенскихъ соборовъ ограничивалась лишь умѣньемъ быстро и точно записывать чужія слова и рѣчи. Нѣтъ, нотаріи кромѣ формальнаго имѣли такъ сказать и матеріальное значеніе въ раз-

---

[1]) Дѣянія всел. соборовъ въ русск. пер. Томъ I. стр. 221. Изд. 2-ое. Каз., 1887.

[2]) Mansi. Concilia. Tom. VI, col. 976. Дѣян. въ рус. пер. Томъ III, 244. Изд. 2-ое. Каз. 1879.

[3]) Mansi. Ibidem, col. 996. Дѣянія т. III, 251.

сматриваемомъ дѣлѣ. Ихъ можно до извѣстной степени считать создателями актовъ наравнѣ съ правоспособными членами соборовъ. Въ чемъ выразилось ихъ участіе въ обогащеніи актовъ по ихъ содержанію, это лучше всего видно будетъ на примѣрахъ, которые мы сейчасъ приведемъ. Въ засѣданіяхъ Ш-го вселенскаго собора видную роль играетъ „первенствующій изъ нотаріевъ“ пресвитеръ Петръ. Его словами открывается первое засѣданіе этого собора, словами, въ которыхъ онъ кратко излагаетъ предметъ, которымъ должны будутъ заняться отцы собора, именно въ нихъ указывалось появленіе на исторической сценѣ еретика Несторія. Затѣмъ непосредственно этотъ же нотарій предлагаетъ прочитать имѣющуюся въ его рукахъ высочайшую грамоту, касающуюся открывающагося собора; и когда одинъ изъ главныхъ членовъ собора заявляетъ: „да озарится путь“ чтеніемъ этого документа, нотарій совершаетъ это „озареніе“. По предложенію того же нотарія читается одно посланіе св. Кирилла къ Несторію; при чемъ этотъ нотарій дѣлаетъ краткую оцѣнку ученія константинопольскаго патріарха, называя это ученіе неправильнымъ мудрованіемъ. Онъ же обращается къ епископамъ, посылавшимся къ Несторію пригласить его на соборъ, съ требованіемъ отчета объ исполненіи возложенной на нихъ миссіи. Тотъ же нотарій Петръ обращается къ нѣкоторымъ епископамъ, членамъ собора съ вопросомъ: какъ и при какихъ обстоятельствахъ они старались вручить Несторію нѣкоторые очень важные документы, и епископы, каждый по очереди, дали нужныя разъясненія. Далѣе, тотъ же нотарій Петръ вноситъ на соборъ слѣдующее важное предложеніе: „мы имѣемъ подъ руками книги блаженныхъ отцовъ и епископовъ и разныхъ мучениковъ, и избрали изъ нихъ нѣсколько главъ: не благоугодно-ли будетъ вамъ выслушать“? А когда одинъ изъ членовъ собора сказалъ: „пусть будутъ прочитаны и *внесены въ акты*“, тогда послѣдовало самое чтеніе указанныхъ „главъ“. Другими словами: нотарій предложилъ прочитать на соборѣ важнѣйшія мѣста изъ твореній св. отцевъ, могущія служить къ опроверженію Несторіева заблужденія. Говоря теперешнимъ языкомъ, это была секретарская „справка“; но на этотъ разъ справка должна была имѣть рѣшающее значеніе, привести къ безапелляціонному приговору.

Но этимъ еще участіе названнаго нотарія не окончилось. Тотчасъ по прочтеніи выдержекъ изъ писаній отцовъ церкви, на которыхъ (выдержкахъ) построевалось осужденіе заблужденія Несторія, „первенствующій изъ нотаріевъ“, вошелъ съ новымъ предложеніемъ собору выслушать еще нѣкоторыя мѣста изъ одной Несторіевой книги, извлеченныя отсюда самимъ референтомъ. Соборъ согласился и выслушалъ ихъ. Заканчивая свое чтеніе, пресвитеръ Петръ позволилъ себѣ выступить съ однимъ замѣчаніемъ, прямо направленнымъ въ осужденіе Несторія. Когда же чтеніе это закончилось, одинъ изъ отцевъ собора сказалъ: „слухъ нашъ не можетъ болѣе выносить этихъ мерзостей; пусть всѣ богохульныя слова Несторія, въ изобличеніе ихъ виновника, будутъ *внесены въ акты*“. Дѣло возможное, что и формулировка самаго приговора надъ Несторіемъ, произнесеннаго на первомъ засѣданіи III всел. собора, произведена рукою „первествующаго же изъ нотаріевъ“ [1]). Очень любопытна также роль, какую игралъ въ дѣятельности дальнѣйшаго IV-го вселенскаго собора, нотарій константинопольскій архидіаконъ Аэцій; но во всякомъ случаѣ его значеніе при этомъ не можетъ равняться съ дѣятельностію, проявленною нотаріемъ Петромъ во время III-го вселенскаго собора. „Архидіаконъ и первый нотарій“, какъ называется въ актахъ Аэцій, читаетъ нѣкоторые документы на IV-мъ всел. соборѣ; онъ же передаетъ секретарю императорской консисторіи, присутвовавшему на соборѣ, „свитокъ“, по которому этотъ секретарь прочелъ какъ знаменитое посланіе папы Льва къ Флавіану, такъ и многія свидѣтельства „св. отцовъ и исповѣдниковъ“, послужившія основаніемъ къ осужденію патріарха Діоскора. Такъ какъ этотъ „свитокъ“ переданъ „секретарю“ Аэціемъ, то есть полная возможность думать, что сейчасъ упомянутыя свидѣтельства собраны самимъ Аэціемъ, суть плодъ его богословской эрудиціи. Въ этомъ можетъ въ значительной мѣрѣ удостовѣрять то обстоятельство, что когда на соборѣ объявились нѣкоторые епископы, усомнившіеся въ правильности

---

[1]) Дѣянія всел. соборовъ. Т. I, стр. 198 — 9. 201. 203. 222. 224. 229. 234. Можно впрочемъ догадываться, что въ разсматриваемомъ случаѣ александрійскій нотарій Петръ имѣлъ значеніе alter ego св. Кирилла Александрійскаго, на что были вполнѣ уважительныя причины.

ученія папы Льва, какъ оно было изложено въ прочитанномъ его посланіи, то первый нотарій, безъ малѣйшей записки, сейчасъ же подыскалъ и прочиталъ въ слухъ собора два отрывка изъ твореній св. Кирилла, совершенно тожественные по мысли съ тѣми мѣстами посланія Льва, которыя возбудили сомнѣнія у нѣкоторыхъ членовъ Халкидонскаго собора. Къ сказанному о дѣятельности Аэція добавимъ еще, что онъ потомъ выступаетъ съ нѣкоторыми докладами отъ челобитчиковъ и отъ епископовъ, отправлявшихся къ Діоскору для вывоза его на засѣданіе собора [1]). Представленныхъ образцовъ, кажется, достаточно для того, чтобы и „нотаріевъ“ считать въ нѣкоторомъ родѣ факторами, служившими къ обогащенію содержанія актовъ вселенскихъ соборовъ.

Возникаетъ вопросъ: въ чемъ состояла дѣятельность на соборѣ вышеупомянутыхъ нами неоффиціальныхъ нотаріевъ? Каждый епископъ, какъ членъ собора, имѣлъ право имѣть при себѣ во время засѣданій одного или нѣсколькихъ своихъ нотаріевъ. Болѣе вліятельные епископы имѣли при себѣ болѣе нотаріевъ, а менѣе вліятельные менѣе. Нотаріи являлись на соборъ съ принадлежностями своей должности: съ записными дощечками (*τὰς δέλτους*) и съ сумками или ящичками съ писчими тростями (*καλαμάρια*). Такимъ образомъ весь или почти весь залъ, гдѣ происходили соборныя засѣданія, превращался какъ бы въ обширную канцелярію. Эти частные нотаріи записывали съ своей стороны рѣчи и слова, произносимыя присутствовавшими на соборѣ, а вѣроятно также отмѣчали эпизоды происходившаго на ихъ глазахъ; главною же ихъ задачею было точно записать все, что говорилъ на соборѣ тотъ епископъ, въ свитѣ котораго они находились [2]). Понятно, для чего дѣлалось это послѣднее: чтобы какому-либо епископу не было приписано того, чего онъ не говорилъ, или чтобы слова его не подверглись какому-либо искаженію. Очевидно, дѣятельность частныхъ нотаріевъ имѣла значеніе контроля по отношенію къ дѣятельности оффиціальныхъ нотаріевъ, которые могли по недо-

---

[1]) Mansi Tom. VI, col. 956. 960. 972—73. 984. 996—97. Дѣянія, т. III, стр. 230—1. 238. 243. 247. 252—253.

[2]) Mansi. Tom. VI, col. 624—625. Дѣянія, III, 82—83.

слышкѣ записать что-нибудъ не такъ, какъ нужно, и которые, среди какого нибудь шума, могли и совсѣмъ опустить изъ вниманія слова того или другого соборнаго члена. Здѣсь лежала, значитъ, гарантія, что въ окончательныхъ актахъ собора будетъ записана возможно точная истина. Мы полагаемъ, что епископы рукою своихъ нотаріевъ подавали также свои голосованія (vota), по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда подаваемое голосованіе опредѣленно, а иногда и не кратко, мотивировалось членомъ собора. Въ самомъ дѣлѣ, если бы голосованіе въ подобныхъ случаяхъ подавалось каждымъ епископомъ отдѣльно, то проходили бы многіе часы прежде чѣмъ вся эта процедура закончилась бы; иное дѣло подача голосовъ епископами на дощечкахъ, на которыхъ рукою нотарія выражалось мнѣніе извѣстнаго епископа. Нужно было только собрать эти дощечки, кому слѣдуетъ просмотрѣть ихъ—и голосованіе готово. Замѣтимъ еще: лишить епископа, члена собора, права имѣть при себѣ нотарія считалось преступленіемъ со стороны того, кто отважился бы на это. Такъ на соборѣ Халкидонскомъ нѣкоторые епископы жаловались на Діоскора, предсѣдателя не удавшагося вселенскаго Ефесскаго собора 449 года, что онъ здѣсь прогналъ ихнихъ нотаріевъ и заставилъ составлять записи лишь своихъ нотаріевъ, очевидно оффиціальныхъ. На этомъ основаніи упомянутые епископы утверждали, что соборъ Ефесскій происходилъ противозаконнымъ образомъ [1]).

Задача оффиціальныхъ нотаріевъ состояла не только въ томъ, чтобы записывать ходъ преній и рѣчи членовъ собора, но и въ томъ, чтобы на основаніи имѣющихся у нихъ записей выработать окончательный видъ актовъ. По всей вѣроятности, это дѣлалось очень скоро. Каждый такой актъ въ окончательномъ его видѣ прочитывался на соборѣ, по крайней мѣрѣ такъ нужно думать. Принимались ли при этомъ во вниманіе записи частныхъ нотаріевъ—сказать трудно; но нужно полагать, если открывалась въ этомъ надобность, обращались и къ этимъ записямъ, если наприм., какой нибудь епископъ находилъ, что оффиціальные нотаріи не точно передали слова, произнесенныя имъ на соборѣ. Однакожъ и окончательный видъ актовъ не могъ гарантировать состави-

[1]) Mansi. Ibid. Дѣянія. Тамъ же.

телей его отъ посторонней критики. Могли найтись, и дѣйствительно встрѣчались недовольные актами, даже по закончаніи ихъ составленія. Нужно знать, что сторона обвиняемая и подвергающаяся суду на извѣстномъ соборѣ, во время производства дѣла, вела свои записи происходившаго; и въ случаѣ если она находила, что записано въ актахъ не то и не такъ, что и какъ происходило на дѣлѣ, она заявляла протестъ противъ нотаріевъ и требовала сличенія своихъ записей [1]) съ актами собора. Интересно отмѣтить, что и свидѣтели, являвшіеся съ своими показаніями на соборъ, въ случаѣ если они находили, что ихъ слова искажены въ актахъ, съ своей стороны тоже заявляли протестъ противъ составителей актовъ [2]). Такимъ образомъ акты соборные не избавлялись отъ дѣйствія общественнаго контроля и тогда, когда соборъ закончился и акты его получили окончательную редакцію; само собою разумѣется, что въ случаѣ подобнаго рода протестовъ имѣлось въ виду доказать, что акты „злоумышленно измѣнены нотаріями“ [3]). Изъ этого видно, что дѣло нотаріевъ, дѣло записыванія преній и рѣчей соборныхъ, а также составленія окончательной редакціи актовъ требовало отъ нихъ большой внимательности терпѣнія, честности и правдивости, словомъ: всего того, что могло бы гарантировать историческую достовѣрность такихъ важныхъ документовъ, какъ акты соборные. Эти документы раждались на свѣтъ при такихъ условіяхъ, которыя, судя по человѣчески, могли давать цѣнный въ научномъ отношеніи плодъ. Подлежащія власти и еще болѣе сами нотаріи прекрасно знали, что заявленія протестовъ противъ вѣрности актовъ дѣло очень серьезное. Одинъ патріархъ, въ виду одного подобнаго протеста, внушительно говорилъ нотаріямъ: „замѣчайте вы, нотаріи, потому что противъ васъ идетъ споръ“. Сами нотаріи, въ случаѣ вышеуказныхъ протестовъ говорили: „составленіе актовъ притягиваетъ насъ къ дѣлу, по-

---

[1]) Эти записи въ оригиналѣ называются: *ἀντίγραφα*=scripta (Mansi. VI, 769), но хотя это греческое слово и значитъ: „списки“, однако изъ связи рѣчи видно, что здѣсь идетъ рѣчь не о копіяхъ съ текста актовъ, а о запискхъ независимыхъ отъ актовъ. Къ тому же выводу склоняютъ и параллельныя мѣста изучаемыхъ актовъ. (Mansi. Ibidem, col. 625. Дѣян. III, 83).

[2]) Mansi. Tom VI, 769. 781. 792. Дѣянія. Т. III, 136. 138—9. 142. 145.

[3]) Mansi. Ibid. 825. Дѣян. стр. 160.

тому что они составлены не другимъ кѣмъ", и прибавляли: „намъ предстоитъ опасность не за маловажное" [1]). Но какому наказанію подвергались провинившіеся, мы не знаемъ.

Совершеннѣйшей редакціею актовъ считалось, когда „сказанное записано, а потомъ прочтено и вновь перечитано", и когда „содержащееся въ документахъ (актахъ) истинно и ни одного слога не прибавлено и не убавлено" [2]). Но едва ли нужно говорить, что такая фотографическая и фонографическая точность въ дѣйствительности вещь недостижимая. Это хорошо сознавали и лица, соприкосновенныя къ такому дѣлу, какъ составленіе и редактированіе актовъ. Объ этомъ не молчали ни епископы, ни государственные люди, ни нотаріи, ни свидѣтели происходившаго. Въ мірѣ нѣтъ совершенства, какъ извѣстно. Встрѣчались разные случаи, въ которыхъ обнаруживалось этого рода несовершенство. Прежде всего, часто случалось, что сказанное кѣмъ нибудь однимъ, какимъ нибудь однимъ членомъ собора, считалось и отмѣчалось, какъ общее мнѣніе всѣхъ собравшихся. Одинъ нотарій, въ виду возникшаго протеста, говорилъ: „на такихъ святѣйшихъ соборахъ часто случается, что одинъ изъ епископовъ скажетъ что нибудь и сказанное однимъ записывается и принимается за сказанное всѣми вмѣстѣ" [3]). Но еще болѣе происходило отступленій отъ истины, когда кому-нибудь на соборѣ приходилось пересказывать чужія слова и рѣчи. Въ такихъ случаяхъ, если впослѣдствіи открывались какія либо ошибки въ передачѣ чужихъ рѣчей, то отвѣтчики заявляли: „едва ли кто и изъ знаменитѣйшихъ риторовъ (т. е. учителей краснорѣчія) достигъ бы того, что бы передать и пересказать кому-либо чужія слова"; или же они въ свое оправданіе замѣчали: „кто можетъ другому передать чужія слова его собственными словами, а особенно самый смыслъ, какой онъ вложилъ въ нихъ" [4]). Нѣкоторые жаловались на то, что, находясь въ такомъ собраніи, какъ св. соборъ, они естественно растеривались и не могли вполнѣ владѣть своею рѣчью, а между тѣмъ нотаріи, исполняя

---

[1]) Mansi, ibid. col. 768. 809. Дѣян. Ш, 137—8. 153.
[2]) Mansi, ibid., 804. 813. Дѣян. Ш, 151. 155.
[3]) Mansi. VI. 808. Дѣян. Ш, 152.
[4]) Mansi, ibid. 780. 785. Дѣян. Ш, 142. 144.

свою обязанность, вопреки надобности „записывали и то, что говорилось въ смятеніи, не пропуская ни одного слова“ [1]). Случалось и такъ, что пренія присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ принимали очень бурный характеръ, возникало смятеніе, такъ что нотаріямъ нельзя было записывать всего, что говорилось спорившйми. При одномъ случаѣ, по словамъ одного епископа, на соборѣ, на которомъ онъ присутствовалъ, „произошло смятеніе *(σύγχυσις, θόρυβος)* и бывшіе позади, не знали, что дѣлалось впереди“ такъ что „соборъ разстроился“. При такой суматохѣ, естественно оказывалось, что иныя рѣчи оставались „вовсе незаписанными“ [2]). Но очень нерѣдко бывало и то, что епископы говорили нѣчто и такое на соборѣ, что не считалось заслуживающимъ записыванія. Вообще различали: „что должно записывать (вносить въ протоколы) и чего не должно“. Но такое вниманіе повидимому, оказывалось однимъ епископамъ, т. е. они одни имѣли право взять свои слова назадъ, если находили это нужнымъ. Нотарій Аэцій при одномъ случаѣ утверждалъ, считая это замѣчаніе какъ бы общимъ правиломъ: „присутствующіе на соборѣ святѣйшіе епископы, какъ бы въ общей бесѣдѣ и въ видѣ совѣщанія, *часто* говорятъ много такого, чего не дозволяютъ записывать“. Иногда какой либо епископъ въ извиненіе того, что его слова не находили себѣ мѣста „въ документахъ“, говорилъ, что сказанное имъ было „сказано въ разговорѣ, а не въ видѣ приговора“ *(διαλεγόμενος*=disputans, *οὐκ ἀποφαινόμενος)* [3]). Безъ сомнѣнія, члены собора заботились въ указанныхъ случаяхъ о томъ, чтобы не попадали въ протоколы или такія ихъ слова, которыя мало относились къ дѣлу, или такія, которыя не отличались основательностію, вообще все такое, отъ чего, быть можетъ, тотчасъ же отказывался и самъ произносившій извѣстныя слова или сужденія. Встрѣчалось и вотъ еще какое явленіе: какой-нибудь епископъ, ораторствовавшій на извѣстномъ

---

[1]) Mansi, ibid. 777. Дѣян. Ш, 141.—Въ изложеніи исторіи IV всел. собора церковнымъ историкомъ Евагріемъ говорится, что нѣкоторые епископы жаловались, что на соборѣ Ефесскомъ 449 года слова ихъ „записывались невѣрно“ и что даже въ его актахъ нашли мѣсто такія выраженія, которыхъ „никто не произносилъ“ (Церк. исторія. Кн. П, гл. 18).

[2]) Mansi. Ibid., col. 816—817. Дѣян. Ш, 155—6.

[3]) Mansi. Ibid , col. 813. Дѣян. Ш, 155.

засѣданіи собора, потомъ, когда засѣданіе закончилось, находилъ, что онъ наговорилъ много лишняго, чего говорить не слѣдовало бы, а потому тайкомъ обращался къ оффиціальнымъ нотаріямъ съ просьбой измѣнить, иначе изложить его рѣчи въ записяхъ [1]). Само собой понятно, что такой поступокъ считался неблаговиднымъ.—Случалось, хотя кажется и очень рѣдко, что всѣ отцы собора находили, что не слѣдуетъ вносить въ акты какой-либо документъ, какъ представляющій нѣчто компрометирующее его дѣятельность. Такъ, по волѣ отцевъ, на соборѣ халкидонскомъ, не занесено было въ протоколы его первоначальное христологическое опредѣленіе (*ὅρον, ὃν ἔδοξε μὴ ἐνταγῆναι τοῖς δὲ τοῖς ὑπομνήμασι*) [2]), которое вышло неудачнымъ, такъ какъ оно „было не хорошо составлено“, по выраженію актовъ, и такъ какъ оно породило безмѣрные споры, грозившіе распущеніемъ собора. Наука не можетъ не сожалѣть, что этотъ документъ не дошелъ до насъ: онъ, безъ сомнѣнія не мало пролилъ бы свѣту на дѣятельность этого замѣчательнѣйшаго собора. Сохранившееся же до насъ, христологическое опредѣленіе Халкидонскаго собора есть вторичное опредѣленіе, замѣнившее собою неудавшееся первое.

Дѣянія соборовъ носили названіе: *τὰ ὑπομνήματα, αἱ πράξεις τῶν ὑπομνημάτων* (acta).

Какъ составленіе соборныхъ актовъ, такъ и ихъ храненіе ввѣрялось нотаріямъ. И они повидимому, были очень ретивыми ихъ хранителями. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ случай, когда они долго отказывались принести акты одного собора въ засѣданіе другого собора. Пользуясь тѣмъ, что требованіе это выходило отъ отдѣльныхъ лицъ собора, главнымъ образомъ отъ представителя свѣтской власти, нотаріи отнѣкивались исполнить приказаніе. Они долго ломаютъ голову надъ вопросомъ: „принести или не принести имъ акты“? И только тогда перестаютъ возражать и оттягивать дѣло, когда весь соборъ единогласно, съ патріархомъ во главѣ, приказалъ имъ не медлить болѣе и доставить акты на соборъ [3]). Однакожъ какъ ни ретивы были эти хранители,

---

[1]) Mansi. Ibid, 829. Дѣян. Ш, 161.

[2]) Mansi. Concilia. Tom. VII, col. 100. Дѣян. т. IV, стр. 46

[3]) Mansi. Tom. VI, 765. 768—9. Дѣян, Ш, 137—8.

и у нихъ, нотаріевъ, иногда происходило хищеніе ввѣренныхъ ихъ охранѣ документовъ [1])...

Самымъ надежнымъ хранилищемъ актовъ соборныхъ справедливо считалась императорская библіотека и императорскій архивъ въ Константинополѣ [2]). Особливое вниманіе правительства было обращено на сохранность актовъ вселенскихъ соборовъ въ подлинникѣ. Отмѣтимъ слѣдующій случай. Въ царствованіе императора Юстиніана II обнаружилось, что подлинный экземпляръ актовъ VI вселенскаго собора какимъ-то образомъ очутился въ частныхъ рукахъ. Императоръ находитъ, что это непростительный безпорядокъ и что хранителемъ этихъ актовъ долженъ быть ни другой кто, а самъ онъ. Затѣмъ онъ собираетъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ соборъ. Акты отбираются у тѣхъ лицъ, къ которымъ они почему-то попали, торжественно прочитаваются здѣсь и запечатываются; императоръ самъ беретъ на себя храненіе актовъ; при чемъ онъ заявилъ: „эти бумаги мы всегда будемъ сохранять неприкосновенными и неизмѣнными доколѣ положено Богомъ пребывать въ насъ нашему духу“ [3]). Но и вниманіе, съ которымъ относились сами императоры къ дѣлу сохраненія актовъ вселенскихъ соборовъ, не предотвратило эти акты отъ разныхъ печальныхъ случайностей. Вотъ примѣръ. Во время чтенія актовъ V-го вселенскаго собора на засѣданіяхъ шестого вселенскаго собора открылось, что въ нихъ заключаются нѣкоторыя статьи еретическаго, монофелитскаго характера. Возникла нужда опредѣлить: дѣйствительно ли эти статьи внесены были сюда въ свое время (т. е. были подлинны) или же онѣ представляютъ подлогъ послѣдующаго времени? Соборъ VI вселенскій внимательно занялся этимъ вопросомъ и благодаря тому, что въ патріаршей библіотекѣ оказался другой экземпляръ тѣхъ же актовъ V-го собора безъ соблазнительныхъ добавокъ, а также на основаніи нѣкоторыхъ соображеній доказалъ, что экземпляръ актовъ V-го собора, ранѣе внесенный на VI вселенскій соборъ для прочтенія, искаженъ злонамѣренной рукою и содержитъ въ себѣ нѣкоторые подлож-

---

[1]) Mansi, ibid. 821. Дѣян. III, 158.

[2]) Mansi. Ibid, 757. Дѣян., 134.

[3]) Дѣянія всел. соборовъ. Т. VI, стр. 276. Изд. 2-ое. Каз. 1882.

ные документы [1]). А печальнѣе этого, разсказаннаго нами, факта то, что акты пятаго вселенскаго собора совсѣмъ не дошли до насъ въ оригиналѣ и наука нашего времени принуждена довольствоваться плохимъ, не имѣющимъ компетенціи, латинскимъ переводомъ этихъ актовъ [2]).—Да кстати сказать, что текстъ и композиція актовъ и другихъ вселенскихъ соборовъ позволяютъ желать очень многаго. Напримѣръ VIII-ое „дѣяніе“ Халкидонскаго собора по дѣлу Ѳеодорита Кирскаго справедливо признается состоящимъ изъ „быстро слѣдующихъ одно за другимъ и взаимно исключающихъ себя противорѣчій“, называютъ такимъ актомъ, въ которомъ „все движется въ какихъ-то антимоніяхъ, спутано до неразличимости“ [3]). Въ тѣхъ же актахъ Халкидонскаго собора во II его дѣяніи находится собраніе свято-отеческихъ свидѣтельствъ въ пользу опредѣленнаго разумѣнія христологической догмы [4]); но по мнѣнію извѣстнаго ученаго Манси, всѣ эти свидѣтельства „не были читаны на соборѣ и напрасно внесены въ акты“, конечно въ послѣсоборное время [5]). Далѣе между вторымъ и четвертымъ дѣяніемъ, на которое нужно смотрѣть какъ на дѣйствительное продолженіе втораго (3-ье дѣяніе имѣетъ спеціальный предметъ) нѣтъ связи, при чемъ требованія, которыми открывается четвертое дѣяніе, не находятъ соотвѣтствующихъ дѣйствій и заявленій въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи собора [6]). Мы не говоримъ уже о взглядахъ на акты этого собора Винчензи, Гарнака. Всего не перечтешь. Вообще нужна серьезная и дружная работа надъ текстомъ актовъ вселенскихъ соборовъ, нужна

---

[1]) Тамъ же, стр. 179. 206—210.

[2]) Съ какими трудностями приходится бороться лицамъ, работающимъ съ латинскимъ текстомъ этихъ актовъ, это видно изъ сочиненія Н. Н. Глубоковскаго, которому нужно было опредѣлить отношеніе этого собора къ Ѳеодориту Кирскому („Ѳеодор. Кир.“. Томъ I, гл. 7. М. 1890). При чемъ результатъ работы надъ этимъ текстомъ, вслѣдствіе его неисправности, иногда является не чуждымъ сомнѣній.

[3]) Въ томъ же сочиненіи Н. Н. Глубоковскаго (стр. 285—286). Авторъ думаетъ, что при внимательномъ изученіи VIII дѣянія оно „утрачиваетъ значительную долю своей невразумительности“. Но мы не раздѣляемъ оптимизма нашего автора.

[4]) Mansi, VI, col. 961—973. Дѣян. III, 238—243.

[5]) Ibid., col. 961—2 in notis.

[6]) Cf. Mansi, VI, 973; VII, 5, 8 9 et c. Дѣянія, III, 243. IV, 6. 7 и дал

острая критика композиціи этихъ актовъ, но это дѣло будущаго, если только время для этого уже не прошло, ибо въ наше время ни одни міряне оставляютъ старые пути и взыскаютъ какой-то „новый путь“ [1]).

II.

На предшествующихъ страницахъ мы старались объяснить техническую сторону происхожденія актовъ вселенскихъ соборовъ, которые (акты) въ этомъ отношеніи имѣли одинаковую исторію съ актами такъ называемыхъ помѣстныхъ соборовъ; при чемъ попутно коснулись вопроса о храненіи и сохранности актовъ. Теперь намъ нужно разъяснить: отчего случилось, что историкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи акты вселенскихъ соборовъ лишь начиная съ Ефесскаго III-го вселенскаго собора и лишонъ актовъ предшествующихъ вселенскихъ соборовъ?

Если подъ именемъ актовъ разумѣть собственно протоколированіе преній и рѣчей, поскольку тѣ и другія имѣли мѣсто на I-мъ вселенскомъ соборѣ, то нужно думать, что такого рода актовъ никогда не существовало; протоколированіемъ преній и рѣчей, ознаменовавшихъ засѣданія указаннаго собора, никто не занимался, какъ мы полагаемъ потому, что подобной цѣли не ставили себѣ ни духовное, ни свѣтское правительство. Правда, и по настоящее время можно встрѣчать воззрѣніе, что будто акты собора въ указанномъ нами смыслѣ въ свое время существовали, но что благодаря происканъ аріанъ, они будто бы потомъ изчезли изъ употребленія и погибли [2]). Но такое воззрѣніе не можетъ быть ничѣмъ подтверждено: ни церковные историки, ни церковные писатели IV и V вѣковъ ничего такого не указываютъ и ничего не знали объ этомъ. А еще важнѣе то, что сейчасъ указанныя лица совсѣмъ не имѣли представленій о запротоколированныхъ дѣяніяхъ Никейскаго со-

---

[1]) Великій русскій философъ В. Розоновъ приказываетъ ни болѣе—ни менѣе, какъ „начать отходить отъ учености и ученыхъ, отъ книгъ и Академіи“—и можно быть увѣреннымъ, что многимъ очень придется по вкусу этотъ зовъ мракобѣсія.

[2]) Patrum Nicaenorum nomina, p. XLVIII. Sociata opera ediderunt Gelzer, Hilgenfeld et c. Lipsiae. 1898.

бора. Св. Аѳанасій Александрійскій въ отвѣтъ на просьбу какого то „ученаго“ приверженца Никейскаго ученія и человѣка близкаго къ нему, описалъ: что сдѣлано было на этомъ соборѣ для огражденія вѣры, при чемъ александрійскій епископъ сообщаетъ очень краткія и отрывочныя извѣстія. Какъ бы въ оправданіе неполноты своего описанія, онъ же въ концѣ этого сочиненія, гдѣ описана имъ дѣятельность никейскихъ отцовъ, замѣчаетъ: „я описалъ тебѣ, припомнивъ сколько могъ, что было сдѣлано на соборѣ. А получивъ это, ты прочти самъ, а если признаешь нужнымъ, прочти и братіямъ, чтобы и они узнали это“ [1]). Изъ этихъ словъ Св. Аѳанасія открывается, что у него не было актовъ Никейскаго собора и что онъ не могъ указать и другихъ лицъ, у которыхъ можно было бы достать подобное собраніе документовъ. Если бы акты собора существовали, ему не было бы надобности напрягать свою память для того, чтобы вспомнить, въ чемъ выразилась дѣятельность отцовъ никейскихъ. Съ своей стороны церковный историкъ Сократъ имѣлъ самый близкій случай указать въ своей исторіи на акты этого собора, если бы они существовали на свѣтѣ, но этого однакожъ онъ не дѣлаетъ. Сократу, какъ православному историку, приходилось защищать честь отцовъ никейскаго собора отъ навѣтовъ на нихъ со стороны аріанскаго писателя Савина, что первый и исполняетъ; но какъ? Вмѣсто того, чтобы сослаться на акты Никейскаго собора, онъ [2]) пользуется свидѣтельствомъ объ этихъ отцахъ второстепеннаго значенія; ищетъ доказательства противъ Савина у историка Евсевія. Очевидно, онъ не имѣлъ свѣдѣнія о существованіи на свѣтѣ подлинныхъ актовъ I-го вселенскаго собора.

Итакъ, кажется, смѣло можно утверждать, что протоколированія преній и рѣчей, имѣвшихъ мѣсто на I-мъ всел. соборѣ, протоколовъ въ точномъ смыслѣ слова, совсѣмъ не было. Никейскій соборъ ограничился изданіемъ лишь главнѣйшихъ документовъ, относящихся къ исторіи собора, какъ то Символа вѣры, правилъ и опредѣленій о пасхѣ [3]) и о еги-

---

[1]) Творенія св. Аѳанасія. Т. I, 399. 443—4. Изд. 2-ое 1902.

[2]) Церк. истор., кн. I, гл. 8.

[3]) Евсевія. Жизнь Константина, кн. III, гл. 17—19.

петскихъ мелетіанахъ [1]). Въ послѣднее время [2]) въ западной наукѣ возникла благая мысль вывести изъ забвенія имена св. отцовъ Никейскаго собора. Какое научное значеніе имѣетъ подобнаго рода предпріятіе—доказывать нѣтъ надобности, когда рѣчь идетъ о I-мъ вселенскомъ соборѣ. За дѣло принялись трое нѣмецкихъ ученыхъ, во главѣ которыхъ сталъ многоизвѣстный византинистъ Гельцеръ. Работать было надъ чѣмъ: не говоря о свидѣтельствахъ историковъ, до насъ сохранилось большое число списковъ отцевъ Никейскаго собора, подписавшихся подъ его опредѣленіями, говоримъ: большое число списковъ—не менѣе чѣмъ на шести различныхъ языкахъ. Плодомъ совокупнаго труда указанныхъ ученыхъ и было вышецитированное нами значительное по объему сочиненіе: Patrum Nicaenorum nomina (Latine, Graece, Coptice et c.) [3]). Но результаты, къ которымъ приходятъ они не особенно могутъ радовать сердца историковъ. Ужъ конечно, имъ не удалось отыскать такого списка, который могъ бы претендовать на подлинное происхожденіе отъ собора. Но и въ другихъ отношеніяхъ результаты ихъ труда не богаты. Однимъ изъ невыгодныхъ условій было слѣдующее обстоятельство, отмѣченное трудолюбивыми учеными. „Удивительно то—читаемъ мы здѣсь—что у Грековъ почти совсѣмъ изчезла память объ отцахъ Никейскихъ. Собранія каноновъ, которыя во множествѣ встрѣчаются въ библіотекахъ, должны были служить къ распространенію церковныхъ правилъ, составленныхъ на Никейскомъ соборѣ; но однакожъ именъ лицъ, подписавшихся подъ ними, обыкновенно къ этимъ правиламъ не прилагаются. Только уже церк. историкъ VI вѣка Ѳеодоръ чтецъ далъ мѣсто въ своей

---

[1]) Сократа. Кн. I, гл. 9.—Оба послѣднія опредѣленія сохранились, какъ можно думать, не въ томъ видѣ, какъ они были редактированы отцами собора.

[2]) Кстати сказать, актами I всел. собора въ настоящее время называется собраніе, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ постановленій,—разнаго рода писемъ и сказаній, имѣющихъ отношеніе къ собору. Перечень того, что издается подъ именемъ актовъ въ западной наукѣ и у насъ, можно находить въ книгѣ г. К. Смирнова: „Обозрѣніе источниковъ перваго всел. соб.“, стр. 34—35. Яросл. 1888.

[3]) Энциклопедія Герцога-Гаука дѣлаетъ такой отзывъ объ этой книгѣ: „благодаря мастерскому изданію P. N. nomina всѣ болѣе раннія изданія оказываются устарѣвшими“ (Ausg. 3. B. XIV, 9. Leipz. 1903.

исторіи именамъ отцовъ Никейскихъ, извлеченнымъ изъ трудовъ Сократа, Созомена и Θеодорита“ [1]). А безъ руководствъ греческихъ источниковъ работать надъ греческой церковной исторіей, конечно, затруднительно. Въ концѣ концовъ авторы утверждаютъ, что не можетъ быть возстановлено точнаго списка отцевъ, подписавшихся подъ соборными опредѣленіями. При всѣхъ усиліяхъ, они никакъ не могли дотянуть числа именъ не только до 318 (каковое число указывалъ св. Аѳанасій), но даже довести ихъ до 250, каковою цифрою ограничивалъ количество Никейскихъ отцовъ Евсевій [2]). Значитъ, къ извѣстнымъ уже документамъ несомнѣнно никейскаго происхожденія наука настоящаго времени ничего не можетъ прибавить въ качествѣ подлинныхъ актовъ разсматриваемаго собора (Подписи, конечно, тоже есть хотя и малоговорящая часть актовъ) [3]).

Обращаемся къ актамъ II-го всел. собора. Авторъ книги: „Обозрѣніе источниковъ исторіи I-го вс. собора“, г. К. Смирновъ пишетъ: „Константинопольскій соборъ былъ въ очень мирное время, сравнительно со временемъ Никейскаго собора, и нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы кто-нибудь уничтожилъ акты этого собора. А съ другой стороны, нельзя допускать, чтобы Константинопольскій соборъ вывелъ изъ употребленія, что признано было полезнымъ на предыдущемъ всел. соборѣ, т. е. запись протоколовъ (если бы таковая имѣла мѣсто здѣсь). Второй всел. соборъ слѣдовалъ примѣру перваго, и если бы на Никейскомъ соборѣ записаны были протоколы засѣданій, тоже самое было бы сдѣлано и на Константинопольскомъ“. Поэтому, „несуществованіе актовъ II всел. собора въ настоящее время прямо говоритъ о томъ, что такихъ актовъ никогда и не было“ [4]).

---

[1]) P. XVIII.

[2]) P. p. XLV—XLVI.—L.

[3]) Очень интересны старанія авторовъ разобраться въ вопросѣ: существовала ли въ актахъ подпись имени св. Николая Мирликійскаго. Оказывается ея не значится въ спискахъ: латинскихъ (p. 40), коптскомъ (93), сирскомъ (111), сирскомъ: Ебедіезу, (135) и въ армянскомъ (205). А встрѣчается она у Θеодора чтеца (67), въ греческомъ ватиканскомъ (73) и въ арабскомъ (181). Внесено же оно въ позднѣйшіе списки не изъ списковъ подписей, а изъ житія этого святителя (p. LXIX).

[4]) Стр. 32.

Совершенно вѣрно. Но однакожъ, въ послѣднее время мы встрѣтились въ нѣмецкой литературѣ со мнѣніемъ, что будто возможно предполагать существованіе актовъ, т. е. протоколированныхъ дѣяній II всел. собора. Такое мнѣніе, мы нашли у двухъ авторовъ, у Кунце и Шмидта [1]). Они доказываютъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: на халкидонскомъ соборѣ, по требованію государственныхъ сановниковъ нотарій Аэцій прочиталъ по книгѣ" *(ἀπὸ βιβλίου)* „изложенное 150-ью св. отцами", т. е. символъ второго всел. собора. „Изъ этого слѣдуетъ, утверждаютъ вышепоименованные писатели, что во времена халкидонскаго собора еще существовали протоколы II всел. собора". Разсужденіе—оригинальное, но мы должны сказать, что оно есть плодъ недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на то, что на томъ же соборѣ одновременно съ символомъ Константинопольскимъ читался и символъ Никейскій, при чемъ и объ этомъ послѣднемъ символѣ въ халкидонскихъ актахъ тоже замѣчается, что чтеніе произошло по требованію государственныхъ сановниковъ, и что оно совершено было „по книгѣ" *(ἀπὸ βιβλίου)*. Слѣдовательно, на основаніи этихъ послѣднихъ словъ, становясь на точку зрѣнія Кунце и Шмидта, должно бы также утверждать, что въ разсматриваемое время еще существовали протоколы I всел. собора. Но такъ умозаключать подобнымъ образомъ нѣтъ основаній, ибо хорошо извѣстно, что протоколовъ этого собора никогда не существовало, то лишонъ значенія и выводъ, построенный на словахъ: *ἀπὸ βιβλίου* и утверждающій мнимое существованіе актовъ Константинопольскаго собора въ срединѣ V-го вѣка. Въ сущности, кажется, и одного этого аргумента достаточно, чтобы считать воззрѣніе указанныхъ ученыхъ опровергнутымъ. Но мы считаемъ не лишнимъ разъяснить, что такая была за „книга", изъ которой въ Халкидонѣ читали два символа—Никейскій и Константинопольскій. Нужно сказать, что таинственная книга, по которой читаны были въ Халкидонѣ на второмъ засѣданіи два символа [2]) повидимому

---

[1]) Kunze. Das Nicänischkonstantipolitan. Symbol. S. 28. Leipz. 1898. Schmidt. Zu Echtheitsfrage des Nicaeno-Constantin. (Neue kirchl. Zeitschrift. 1899, S. 949).

[2]) Mansi VI, 956. Дѣянія, Ш, 129—30.

фигурируетъ не разъ и въ теченіе послѣдующихъ засѣданій того же собора. Въ 4 засѣданіи по такой же книгѣ прочитаны были 4 и 5 (по теперешнему счету) правила Антіохійскаго собора 341 года [1]); по такой же книгѣ на 11 засѣданіи прочитаны были 16 и 17 правила того же Антіохійскаго собора [2]); наконецъ, по такой же книгѣ (*ἀπὸ βιβλίον*=ex codice) читались какъ 6 правило Никейское, такъ и 2—3 правила Константинопольскія [3]). Таинственная книга, въ которой заключалось все такое, на самомъ дѣлѣ не представляла ничего таинственнаго. Это былъ древнѣйшій сборникъ каноновъ, древнѣйшая „книга правилъ“, которою пользовался Халкидонскій соборъ въ своихъ разсужденіяхъ [4]). Эту „книгу“ отнюдь нельзя смѣшивать съ протоколами соборовъ, ибо эти послѣдніе, какъ мы видѣли выше, назывались иначе, и въ V вѣкѣ, сколько знаемъ, никогда не назывались: *βιβλίον*. Въ „книгѣ правилъ“, предложенной для чтенія, въ потребныхъ случаяхъ, на Халкидонскомъ соборѣ—несомнѣнно заключались каноны; но есть вся вѣроятность утверждать, что въ этой книгѣ на ряду съ канонами помѣщены были и символы вѣры. Это видно изъ того, что книга, по которой читались правила, а также и книга, по которой возглашались символы одинаково называются въ оригиналѣ: *βιβλίον*. Къ тому же заключенію приходимъ и на томъ основаніи, что какъ въ древности (въ VI в.), такъ и въ позднѣйшее время символы вѣры находили себѣ мѣсто въ каноническихъ сборникахъ, въ „книгѣ правилъ“ [5]).

Такимъ образомъ открывается, что и второй всел. соборъ несомнѣнно не зналъ протоколированія своихъ дѣяній.

И значитъ, нѣтъ основаній думать, что два первыхъ вселенскихъ собора или который нибудь изъ нихъ имѣлъ акты, но что они отъ какой-нибудь случайности затерялись. Отцы I и II вселенскихъ соборовъ совсѣмъ не заботились о протоколированіи дѣяній этихъ послѣднихъ. И это по той про-

---

[1]) Mansi. Tom. VII. 81. Дѣян. VI. 37.

[2]) Mansi. VII, 281. Дѣян. IV, 115.

[3]) Mansi. Ibid., 444—5. Дѣян., 166.

[4]) Проф. М. А. Остроумова. Введеніе въ церковное право, стр. 258 и дал. Харьк. 1893. Проф. Н. С. Суворова. Учебникъ церк. права. 157—158. М. 1902.

[5]) Проф. Остроумовъ. О VI вѣкѣ, стр. 321, а о позднѣйшихъ, 206.

стой причинѣ, что никому изъ вождей соборовъ подобной мысли не приходило въ голову, а потому не возникло обычая составленія протоколовъ.

Если подъ именемъ актовъ вселенскихъ соборовъ разумѣть собственно протоколированіе рѣчей, преній, воскликновеній, отдѣльныхъ замѣчаній и голосованій, поскольку все такое имѣло мѣсто на засѣданіяхъ соборовъ, то подобнаго рода акты дошли до насъ начиная только съ Ефесскаго, третьяго вселенскаго собора. Возникаетъ естественный вопросъ: чѣмъ объясняется такое явленіе, что сейчасъ упомянутый соборъ сдѣлалъ то, чего не сдѣлали всел. соборы IV-го вѣка, запротоколировалъ свои дѣянія и оставилъ намъ свои акты? Явленіе это безъ сомнѣнія крайне отрадно, въ особенности съ точки зрѣнія науки; но вызвано оно не только не радостными, а напротивъ очень печальными обстоятельствами. Нѣтъ надобности объяснять, что Ефесскій соборъ начался раздѣленіемъ и такъ же и окончился. Въ Ефесѣ образовалось, вмѣсто одного, два собора: одинъ многочисленнѣйшій, подъ руководствомъ Кирилла александрійскаго, отвергшій ученіе Несторія и предавшій его анаѳемѣ, и другой не столь многочисленный, подъ руководствомъ Іоанна Антіохійскаго, ставшій на сторонѣ Несторія и защищавшій его ученіе. Каждый изъ этихъ отдѣльныхъ соборовъ домогался, чтобы его сторона взяла верхъ надъ противоположною. А для этого представители того и другого болѣе или менѣе обстоятельно протоколировали свои дѣянія и протоколы эти посылали въ Константинополь на благоусмотрѣніе императора, въ надеждѣ привлечь верховную власть на свою сторону. Такъ поступалъ соборъ, руководимый Кирилломъ; тоже дѣлалъ и соборъ Іоанна Антіохійскаго. Наприм., соборъ Кирилла, по окончаніи перваго своего дѣянія, на которомъ осужденъ былъ Несторій, счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія высочайшей власти о томъ, что сдѣлано во время упомянутаго дѣянія; и это изъяснено было въ особомъ донесеніи, въ концѣ котораго были прибавлены слѣдующія интересныя слова: „для яснѣйшаго и полнѣйшаго уразумѣнія дѣяній собора прилагаются при семъ *акты* его“ [1]). Итакъ первое засѣданіе Ефесскаго собора, въ лицѣ Кирилла,

[1]) Дѣянія, I, 248.

дало міру первый запротоколированный актъ III-го вселенскаго собора. За этимъ актомъ послѣдовало изготовленіе соборомъ Кирилла и дальнѣйшихъ актовъ, въ интересахъ самозащиты предъ верховной властію. Такъ напримѣръ, четвертое дѣяніе этого собора заканчивается такими словами: „совершая, что слѣдуетъ и что на него возложено, соборъ доведетъ о сдѣланномъ сегодня до свѣдѣнія благочестивѣйшаго императора“ [1]), что конечно и было исполнено съ приложеніемъ самого акта соборнаго, какъ было и раньше. Дѣяніе пятое тоже заканчивается подобными же словами: „о всемъ этомъ да будетъ доведено до свѣдѣнія боголюбивѣйшаго императора, что бы и священный его слухъ зналъ о послѣдовавшемъ“ [2]). При этомъ случаѣ, разумѣется былъ приложенъ соборный протоколъ, составившій новый соборный актъ. Въ одномъ донесеніи Кириллова собора прямо говорится, что онъ докладывалъ императору и о тѣхъ мѣрахъ, какія имъ принимались противъ собора Іоанна Антіохійскаго [3]); изъ этого видно, что до свѣдѣнія верховной власти соборъ Кирилла доводилъ и о прочихъ своихъ дѣяніяхъ, подтверждая ихъ соотвѣтствующими протоколами.— Въ то время какъ этотъ соборъ извѣщалъ императора о своей дѣятельности посылкою своихъ актовъ въ Константинополь; тоже самое дѣлалъ и соборъ Іоанна Антіохійскаго въ Ефесѣ. Это не предположеніе, а несомнѣнный фактъ. Напримѣръ, соборъ Кирилла въ одномъ своемъ донесеніи императору писалъ слѣдующее: „они“, т. е. члены Іоаннова собора, „дерзнули довести о своихъ крайне безумныхъ дѣйствіяхъ вашему величеству, о всемъ, что они совершили вопреки законамъ, канонамъ и всякому церковному порядку“ [4]). Само собой понятно, что соборъ Іоанна съ своей стороны отсылалъ къ императору акты свои; это тѣмъ вѣроятнѣе, что его акты отличаются большею краткостію и носятъ характеръ посланій. — Такимъ образомъ въ императорскомъ книгохранилищѣ постепенно скопились всѣ акты Ефесскаго собора 431 года, такъ что стоило только сгруп-

---

[1]) Ibidem. 282.
[2]) Ibid, 286.
[3]) Ibid., 356.
[4]) Ibid., 287.

пировать ихъ и размѣстить въ извѣстномъ порядкѣ, а затѣмъ издать или передать въ распоряженіе духовныхъ Константинопольскихъ властей—и акты собора становились общимъ достояніемъ. Но мы думаемъ, что и самъ Кириллъ Александрійскій, отправляя подлинные акты своего собора въ Константинополь, безъ сомнѣнія дѣлалъ съ нихъ копіи, въ интересахъ своего дѣла и на случай протеста, если бы посылаемые къ императору акты подверглись бы злонамѣренной или незлонамѣренной порчѣ. Мало того: хорошо засвидѣтельствовано и то, что самъ Кириллъ списки съ актовъ своего собора разсылалъ расположеннымъ къ нему лицамъ; такъ всѣ акты или часть ихъ сообщена была Кирилломъ извѣстному архимандриту Евтихію, впослѣдствіи еретику [1]). Едва-ли можетъ быть сомнѣніе и въ томъ, что патріаршая библіотека въ Александріи, благодаря заботливости Кирилла, обладала экземпляромъ этихъ же актовъ; это видно изъ дѣяній Ефесскаго собора 449 года (т. н. разбойничьего). На этомъ соборѣ была перечитана большая часть перваго акта Кириллова собора [2]), а именно перечитаны были свято-отеческія свидѣтельства въ пользу православнаго христологическаго ученія, собранныя александрійскимъ нотаріемъ Петромъ [3]), а также извлеченія изъ книгъ Несторіевыхъ („о догматѣ“) [4]); на томъ же соборѣ было прочитано шестое дѣяніе Кириллова собора противъ пресвитера Харисія [5]). Діоскоръ, преемникъ св. Кирилла Александрійскаго и предсѣдатель Ефесскаго собора 449 года, какъ мы склонны думать, привезъ съ собою акты собора Кириллова (1-го Ефесскаго), захвативъ ихъ изъ александрійской патріаршей библіотеки. Мы впрочемъ увѣрены, что какъ въ рукахъ Евтихія, такъ и въ распоряженіи Діоскора были неполные акты Ефесскаго собора 431 года, т. е. они заключали въ себѣ лишь описаніе дѣяній Кириллова собора, съ опущеніемъ дѣяній Іоаннова собора, ибо невозможно представить себѣ, чтобы св.

---

[1]) Mansi, IV, 632. Дѣян. III, 85.

[2]) Подъ заглавіемъ: *ἐκ τῶν πεπραγμένων ἐν Ἐφέσῳ τῇ πρώτῃ συνόδῳ* (Mansi. Tom. VI, col. 872.)

[3]) Дѣян. т. III, 188—194 (=Дѣян. I, 224 и дал.). Сл. еще: III, 183 и I, 196.

[4]) Дѣян. III, 199—204 (=Дѣян. I, 230 и дал.).

[5]) Дѣян. III, 199: 187—8; 195—199 (=Дѣян. I, 293 и дал.). Сл еще III. 99 и I. 203.

Кириллъ къ актамъ своего собора, признаннаго потомъ высшею правительственною властію въ качествѣ вселенскаго собора, захотѣлъ присоединить акты Іоаннова собора, который всячески поносилъ и злословилъ вождя собора, состоявшаго изъ приверженцевъ Кирилла. Нужно полагать, мы не ошибемся, если станемъ утверждать, что въ полномъ своемъ видѣ акты Ефесскаго (вселенскаго) собора появились только послѣ Халкидонскаго собора, когда произошло болѣе дѣйствительное примиреніе „александрійцевъ“ и „антіохійцевъ“, двухъ богословскихъ направленій Мѣстомъ, гдѣ впервые появились эти акты въ полномъ видѣ, нужно считать Константинополь по причинѣ, которая уяснена нами раньше. Они извлечены были или изъ императорскаго книгохранилища или изъ патріаршей библіотеки, стали употребляться въ нужныхъ случаяхъ и такимъ образомъ пріобрѣли оффиціальное значеніе [1]).

Изъ всего сейчасъ сказаннаго объ актахъ Ефесскаго (вселенскаго) собора 431 года вытекаетъ такой выводъ: акты этого собора появились на свѣтъ вслѣдствіе печальной случайности, вслѣдствіе раздора, которымъ ознаменовалась дѣятельность епископовъ, приглашенныхъ засѣдать на III-емъ вселенскомъ соборѣ. Не будь этой случайности, вѣроятно не было бы и актовъ соборныхъ, какъ не было составлено таковыхъ на соборахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ. Случайность эту всякій назоветъ не радостною; но за то она была причиной протоколированія дѣяній соборныхъ, причиной появленія первыхъ актовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ вселенскому собору. Невольно припомнишь пословицу: нѣтъ худа безъ добра.

Можно сказать, что III вселенскій соборъ создалъ прецедентъ, съ которымъ должны были считаться послѣдующіе вселенскіе соборы, къ великому счастію и радости церковно-исторической науки, находящей въ актахъ вселенскихъ соборовъ богатѣйшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ, который, какъ мы замѣчали выше, далеко не использованъ ею и по настоящую минуту.

---

[1]) Разумѣется, составъ этихъ актовъ потомъ умножился чрезъ присоединеніе многихъ документовъ, имѣвшихъ отношеніе къ собору 431 г. но это обстоятельство выходитъ за предѣлы вопроса о происхожденіи актовъ и входитъ въ кругъ вопросовъ о коллекціонированіи документовъ, принадлежащихъ къ исторіи того или другого собора.

Указанный прецедентъ тѣмъ менѣе могъ лишаться значенія, что вскорѣ послѣ III вселенскаго собора открылась дѣятельность IV вселенскаго собора, который съ своей стороны упрочилъ прецедентъ, создавшійся еще такъ недавно и потому ни кѣмъ еще не забытый. Что такое былъ соборъ Халкидонскій? Халкидонскій соборъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ кассаціонной инстанціею по отношенію къ собору Ефесскому (разбойничьему) 449 г., а этотъ послѣдній въ свою очередь былъ кассаціонной инстанціею по отношенію къ помѣстному контантинопольскому собору 448 года. Исторія этихъ соборовъ слишкомъ извѣстна, чтобы чувствовалась нужда напоминать ее. Да и не въ этомъ дѣло. Являясь тѣмъ, чѣмъ они были, какъ мы сейчасъ сказали, они должны были обладать и оставить намъ акты, иначе и быть не могло. Если Халкидонскій соборъ имѣлъ значеніе кассаціонной инстанціи по отношенію къ собору разбойничьему, то онъ долженъ былъ имѣть акты подлежащаго кассаціи собора и занести на страницы свитка свои приговоры объ этомъ со всею подробностью, въ виду величайшей важности дѣла; а ранѣе того соборъ разбойничій, подвергая оцѣнкѣ подлежащій кассаціи соборъ Константинопольскій, обязательно долженъ былъ внести въ свой свитокъ полностію акты этого собора, хотя бы ради той ненависти, какую Ефесскій (II) соборъ питалъ къ Константинопольскому, и это тѣмъ легче было ему сдѣлать, что акты собора 448 года существовали и имѣли всѣ качества документа, надъ которымъ стоило потрудиться кассаціонной инстанціи. Но и объ этомъ хорошо извѣстно всѣмъ, кто хоть немного знакомъ съ церковной исторіею. Мы свою рѣчь ведемъ, конечно, къ тому, чтобы сказать: IV вселенскій соборъ никакъ не могъ обойтись безъ протоколированія своихъ дѣяній, а результатомъ этого дѣла являлись соборные акты. Послѣ же того, какъ два очень вліятельныхъ вселенскихъ собора (III и IV) имѣли и оставили намъ акты, послѣдующимъ соборамъ невозможно было не имѣть актовъ. Такимъ образомъ послѣ III и IV вселенскихъ собора, въ силу ихъ примѣра, возникаетъ обычай, которому уже не могли измѣнить всѣ дальнѣйшіе вселенскіе соборы. Вотъ тотъ путь, которымъ по нашему мнѣнію, церковь пришла къ мысли составлять протоколы дѣяній всел. соборовъ, хранить и издавать акты, въ которыхъ заключены эти прото-

колы, всегда подъ контролемъ многихъ глазъ, просматривавшихъ ихъ ранѣе скрѣпленія ихъ надлежащимъ подписомъ.

Еще послѣднее сказанье... Говорятъ, что исторія не повторяется; но кажется этотъ афоризмъ нужно принимать съ ограниченіемъ. По крайней мѣрѣ съ протоколированіемъ актовъ вселенскихъ соборовъ повторилась одна старая исторія. Ходъ развитія этого дѣла во многомъ повторяетъ исторію протоколированія преній и рѣшеній, какъ то и другое имѣло мѣсто въ римскомъ сенатѣ. А какъ было дѣло въ данномъ случаѣ въ римскомъ сенатѣ, объ этомъ находимъ свѣдѣнія у знаменитаго историка Т. Моммсена. Сообщая извѣстія по вопросу о „протоколированіи сенатскихъ мнѣній и рѣшеній“ въ вѣчномъ городѣ, онъ говоритъ: „собственно записываніе внесенныхъ предложеній (Vorträge) въ древнѣйшее время (римскаго сената) встрѣчалось только въ исключительныхъ случаяхъ и по особенному указанію предсѣдателя. Обыкновенно это записываніе производилось кѣмъ-либо изъ лицъ низшаго ранга или же наемными лицами. Но въ важнѣйшихъ случаяхъ по распоряженію предсѣдателя это дѣло принимали на себя и собственно члены сената для того, чтобы запись пріобрѣла наибольшую достовѣрность“ [1]). Происходило-ли что-либо подобное на вселенскихъ соборахъ IV вѣка, точно не знаемъ. Но безъ сомнѣнія, когда опредѣленія подвергались записи, кто-нибудь же да дѣлалъ это— или протоколистъ нотарій или какой-либо епископъ. Во всякомъ случаѣ о помѣстныхъ соборахъ IV вѣка извѣстно, что если на нихъ велись записи, то это дѣлали или протоколисты *(ὑξυγράφοι)* [2]) или даже кто-нибудь изъ членовъ собора—епископовъ. Такъ одинъ историкъ IV вѣка говоритъ объ одномъ аріанскомъ епископѣ — Акакіи, что онъ, отличаясь быстротою соображенія и умѣньемъ хватать рѣчи налету, на Константинопольскомъ соборѣ (360 г.) единолично записывалъ ходъ преній, нимало этимъ не стѣсняясь [3]). На вселенскихъ соборахъ этого же времени, очень вѣроятно,

---

[1]) Mommsen. Römisches Staatsrecht. B. III. 2 Abtheil. S. 1015—1016. Leipz. 1888.

[2]) См. выше. Начало статьи.

[3]) Филосторгія. Церк. исторія. Кн. IV, гл. 12.

для удовлетворенія собственной любознательности записывали для памяти нѣкоторые моменты преній такіе знатоки дѣяній I и II вселенскихъ соборовъ, какъ Евсевій, св Евстафій (Антіохійскій), св. Аѳанасій и Григорій Богословъ; но они не соблаговолили издать своихъ записей или затеряли ихъ. Затѣмъ Моммсенъ сообщаетъ еще слѣдующее къ интересующему его вопросу: „на основаніи этихъ записей (о которыхъ рѣчь была у насъ сейчасъ, согласно съ тѣмъ, какъ объ этомъ онъ самъ говоритъ), нельзя воспроизводить преній сената, такъ какъ въ этихъ записяхъ нѣтъ печати оффиціальности и недостаетъ имъ непрерывности и полноты“ [1]). Тоже самое можно было бы сказать, если бы кто-либо изъ только-что упомянутыхъ участниковъ первыхъ вселенскихъ соборовъ оставилъ намъ свои записи какихъ-либо рѣчей или докладовъ, поскольку они находили мѣсто на этихъ соборахъ. Затѣмъ нѣмецкій историкъ говоритъ еще: „сначала (во времена республики) въ протоколы вносились лишь опредѣленія сената (значитъ, протоколированія преній не существовало). Опубликованіе этихъ опредѣленій имѣло мѣсто въ исключительныхъ случаяхъ“ [2]). Не то ли же самое встрѣчаемъ и въ исторіи вселенскихъ соборовъ IV вѣка? Развѣ опубликовано было наприм., опредѣленіе Никейскаго собора по вопросу о бракѣ и безбрачіи духовенства? Когда и какъ стали протоколироваться пренія и рѣшенія сената, объ этомъ сообщаетъ такія извѣстія нашъ знатокъ римскихъ древностей. „Только во времена Цезаря вводится обычай протоколированія сенатскихъ преній (Verhandlungen), ибо онъ далъ этимъ записямъ характеръ оффиціальности и сдѣлалъ ихъ независимыми отъ воли предсѣдателя. Это учрежденіе съ правомъ разсматриваютъ, какъ новую конституцію. Теперь протоколы сенатскихъ преній редактировались тотчасъ по окончаніи засѣданія и предавались гласности. О характерѣ протоколовъ сената мы мало знаемъ. Технически они стали называться acta senatus. Но однакожъ извѣстно, что записывались отвѣты, получавшіеся при запросахъ съ обозначеніемъ имени оратора (дѣлавшаго запросъ); а также достигали того, что при записываніи запечатлѣвались отрывочныя за-

---

[1]) Mommsen. Ibid. 1017.

[2]) Mommsen. Ibid., 1014.

мѣчанія и восклицанія, сопровождающія запросъ и голосованіе“ [1]). Обращаясь къ исторіи актовъ вселенскихъ соборовъ, мы знаемъ, что они стали появляться на свѣтъ только спустя уже 100 лѣтъ, по окончаніи I вселенскаго собора, т. е. въ это только время получили начало бытія. Что касается существа актовъ римскаго сената, то очевидно они, быть можетъ, послужили прототипомъ для актовъ вселенскихъ соборовъ: такъ много общаго можно находить между актами такихъ коллегіальныхъ институтовъ, какъ сенатъ римскій и соборъ вселенскій. И можно только пожалѣть, что и Моммсенъ знаетъ такъ мало о протоколахъ сената. Знай онъ больше, и мы вѣроятно лучше бы понимали составъ (композицію) актовъ такъ сказать христіанскихъ сенаторовъ.

Мы окончили свое краткое изслѣдованіе вопроса о происхожденіи актовъ вселенскихъ соборовъ и желаемъ одного: чтобы кто-нибудь изъ лицъ, склонныхъ къ серьезному труду и обладающихъ свѣжими силами принялъ бы на себя задачу написать обстоятельное сочиненіе на тему: о происхожденіи и составѣ актовъ вселенскихъ соборовъ. Мы первые очень порадовались бы этому.

[1]) Mommsen. Ibia. 1017. 1019.